

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Хронотоп современного российского города.

Рецензия на монографию Н.К. Радиной

«Город в пространстве и времени: проблемы территориальной идентичности в контексте социально-экономических изменений».

Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2015. 344 с.

Н.Н. ТОЛСТЫХ*,
Москва, Россия, nnvt@list.ru

Рецензируемая монография подготовлена на материале исследования, проведенного в русле так называемых городских исследований (Urban Studies), где город выступает в роли объекта изучения, увиденного в разных предметных проекциях, в том числе и собственно социально-психологической. Ключевым для автора является понятие территориальной идентичности, рассматриваемой в качестве одной из составляющих социальной идентичности индивида.

Монография Н.К. Радиной подготовлена на материале исследования, проведенного в русле так называемых городских исследований (Urban Studies), весьма распространенных на Западе, но сравнительно немногочисленных в России. Исследование, о котором идет речь, как и большинство городских исследований, является междисциплинарным, где город выступает в роли объекта изучения, увиденного в разных предметных

проекциях, в том числе и собственно социально-психологической.

Ключевым для автора является понятие территориальной идентичности, рассматриваемой в качестве одной из составляющих социальной идентичности индивида. Осуществленное в рамках проекта Российского Гуманитарного научного фонда «Региональная идентичность в условиях социально-экономических изменений (на примере Нижегородской

Для цитаты:

Толстых Н.Н. Хронотоп современного российского города. Рецензия на монографию Н.К. Радиной «Город в пространстве и времени: проблемы территориальной идентичности в контексте социально-экономических изменений». Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2015. 344 с. // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7. № 4. С. 147–152. doi:10.17759/sps.2016070410

* *Толстых Наталия Николаевна* — доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой социальной психологии развития ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия, nnvt@list.ru

области, 2002–2014 гг.)», исследование охватило ряд малых, средних и больших городов нижегородского региона, а также областной центр — город-миллионник Нижний Новгород, проследив те изменения территориальной (региональной) идентичности жителей этих населенных пунктов, которые произошли за первое десятилетие (точнее — за 12 лет) XXI века, отмеченного значительными трансформациями в политической, экономической, социальной жизни нашей страны.

Книга состоит из трех частей, каждая из которых имеет самостоятельное значение и, возможно, может представлять разный интерес для разных категорий читателей.

В высшей степени информативна первая часть — сравнительно небольшая по объему глава, в которой автор дает обзор той проблематики, которой были посвящены городские исследования, проведенные в разные годы в разных странах, включая и Россию, и приводит примеры наиболее ярких и значимых в контексте авторского исследования фактов, закономерностей, открытий, полученных в этих работах. Глава эта написана не только высокопрофессионально, но и просто увлекательно. Читатель, желающий познакомиться с этой, повторюсь, не слишком популярной пока у нас областью знания, увидит богатую палитру городских исследований и к тому же сможет значительно расширить свой словарный запас, познакомившись с терминами, которые используются именно в рамках городских исследований.

Вторая — основная и по объему, и по содержанию — часть монографии посвящена изложению эмпирического исследования, о чем подробнее — ниже. Наконец, третья часть, также весьма

значительная по объему, представляет собой Приложения, в которых приводится то, что автор называет «полевой материал» — истории, рассказанные в разные годы о себе жителями этих малых, средних и больших городов Нижегородской области в разговорах с провинциальными попутчиками, москвичами, иностранцами. Эти истории — избранные протоколы выполнения задания неструктурированного проблемно-ориентированного проективного интервью, моделирующего разговор в проезде. Думаю, эти рассказы о себе и своем городе людей, разных по полу, возрасту, профессии и социальному статусу, которые и сегодня читаются как любопытная беллетристика и могут интерпретироваться читателем, как ему вздумается, а не только в той логике, которую ему подсказывает автор монографии, с течением времени будут приобретать все большее значение как живые свидетельства того отраженного в человеческих нарративах хронотопа, той жизни, которая текла в провинциальном российском городке начала XXI века.

Но обратимся к основной части монографии. Для определения характера территориальной (региональной) идентичности жителей разных населенных пунктов и прослеживания ее изменений, произошедших за 12 лет, исследователями был разработан методический инструментарий, включающий три методики, которые позволяют выявить особенности трех, ключевых для данного исследования, измерений (уровней) территориальной идентичности, а именно социально-психологического, символического и социально-политического. Выборка составила 516 (2002 г.) и 366 (2014 г.) респондентов разного пола, возраста и места проживания.

Социально-психологический уровень изучался с помощью анкеты-опросника «Региональные приоритеты», состоящей из 25 утверждений, которые описывают возможные направления развития территории. Участники исследования заполняли анкету трижды, отмечая направления, значимые, по их мнению, для развития данного города: 1) с точки зрения всех его жителей; 2) для них лично; 3) как направления, привлекательные для активного персонального участия в их реализации. Использование различных способов математической обработки полученного массива данных позволило не только выявить возрастную, гендерную и региональную приоритетность различных направлений развития территории в их динамике, но также зафиксировать три в высшей степени любопытных показателя, если можно так выразиться, «второго уровня», а именно:

— коэффициент «городской солидарности» как меру сопряженности общих и индивидуальных предпочтений направлений в развитии города (соотношение выборов «важно для большинства жителей» / «важно для меня лично»);

— коэффициент «эгоактивности» (соотношение выборов «важно для меня» / «готов принять участие»);

— коэффициент «городского альтруизма» (соотношение выборов «важно для большинства жителей» / «готов принять участие»).

Важность анализа указанных коэффициентов Н.К. Радина обосновывает тем, что солидарность, альтруизм и эгоактивность, которые проявляются в контексте развития города, являются ключевыми показателями социальной интегрированности горожанина.

При всей вариативности значений этих коэффициентов в разных воз-

растных группах, в группах мужчин и женщин, у людей с разным уровнем образования, у жителей разных по численности населенных пунктов (что само по себе, несомненно, существенно для анализа территориальной идентичности) за 12 лет, разделяющих два исследовательских «среза», достаточно отчетливо проявилась общая тенденция к снижению значений всех трех коэффициентов (в сравнительно меньшей степени — эгоактивности), иными словами, падает социальная интегрированность людей, растет их аномия. Интерпретация и оценка этого факта — задача непростая. Н.К. Радина, привлекая для этого разные теоретические конструкции, в первую очередь, теории Э. Дюркгейма и Р. Мертона, приходит к неоднозначным выводам. «Если для Э. Дюркгейма, — пишет она, — аномия — результат разрушения или ослабления нормативной системы общества, то для Р. Мертона — конфликт, дисбаланс между культурными ценностями и санкционированным институциональными средствами общества, фактически условие социального развития. Следовательно, по Мертону, к проявлениям аномии можно отнести все формы социальной адаптации кроме конформизма» [1, с. 111—112]. Возможность дифференцированного анализа большого массива эмпирических данных приводит Н.К. Радину к выводу о том, что для объяснения разных полученных в исследовании фактов и закономерностей релевантными оказываются разные концепции аномии: «... Дюркгеймовская версия работает при объяснении возрастных различий, особенно на материале 2002 года, где определенно считывается “эффект когорты” и разрыв между возрастными группами как разрыв между поколениями. Мертоновская версия аномии более релевантна

для интерпретаций социальной дезинтеграции, обусловленной социальным неравенством (например, между территориями или профессиональными группами)» [1, с. 118]. Автор уклоняется при этом от прямой оценки — положительной или отрицательной — выявленных тенденций, предоставляя возможность читателям сделать это самостоятельно. Благо для этого у них есть все возможности: эмпирический материал представлен в книге настолько подробно и грамотно, что это позволяет читателю соглашаться или не соглашаться с авторскими его интерпретациями, предлагать свои объяснительные схемы. Например, с моей точки зрения, максимальная (по сравнению с другими направлениями развития города) готовность граждан активно участвовать в экологических программах может объясняться не экологичностью их сознания (как полагает Н.К. Радина), а просто их житейской мудростью и трезвым осознанием реальности: может быть, они и предпочли бы направить свои силы на борьбу с коррупцией, но понимают, что в нынешних условиях это и бесполезно, и небезопасно, а от защиты какого-нибудь сквера польза все же может быть.

Символический уровень территориальной идентичности изучался в проекте с помощью неструктурированного сфокусированного интервью «Мой город», построенного по принципу проективной техники Story Telling Techniques. В дополнение к классическим правилам исследователи включили параметр интенциональности рассказа, учета его адресата, слушателя (близкий–далекый–чужой). В соответствии с этим инструкция выглядела следующим образом: «Представьте, что вы — пассажир поезда, разговаривающий с попутчиком

из другого, обычного, нестоличного города. Расскажите своему попутчику о том месте, где вы живете, о своем родном городе, о своей “малой родине”». После такого рассказа инструкция менялась: «Представьте, что ваш попутчик вышел на ближайшей станции. Сейчас вы разговариваете с другим пассажиром, он из Москвы. Расскажите о своем городе попутчику-Москвичу». Третий рассказ о своем городе предназначался иностранцу. Я намеренно подробно рассказываю о примененной версии интервью, поскольку считаю ее в высшей степени креативной и интересной именно с социально-психологической точки зрения. Примеры аудиозаписей этих рассказов, как уже было сказано выше, приведены в книге в Приложениях.

Ключевым конструктом для интерпретации интервью явился конструкт «социальные представления», что и обусловило характер анализа материала. Не имея возможности в рамках краткой рецензии остановиться на всех нюансах выявленных социальных представлений о своем городе, приведу лишь итоговый вывод автора, связанный с учетом фактора интенциональности: «Провинциальным слушателям, которых считают более близкими («своими»), рассказывают истории, наиболее эмоциональные и личностно-ориентированные. Истории, придуманные для москвичей, в качестве отличительных особенностей характеризуются или москвофобией, или туристически-ориентированным взглядом на город. Истории для иностранцев интенционально более сложные. Иностранцев рассматривают и как потенциальных туристов, и как инвесторов, и как шпионов, и даже как некий идеал, который, если ему донести самые острые проблемы в развитии города, мо-

жет повлиять на позитивный исход в решении проблем» [1, с. 174].

Не буду специально останавливаться на представленном в монографии анализе социально-политического уровня территориальной идентичности, хотя бы потому, что основные его выводы были изложены Н.К. Радиной в недавно опубликованной в нашем журнале ее статье «Социально-психологический феномен “закрытости” М.Ю. Кондратьева: от “закрытой группы” к “закрытому обществу”» [2]. Отмечу только, что центральный для изучения социально-психологического уровня территориальной идентичности конструкт «закрытое общество» исследовался с помощью социально-психологической версии Техники репертуарных решеток Келли (ТРР), ориентированной на выявление идентификации жителей региона с представителями местной, региональной и федеральной власти. Теоретический анализ и интерпретация полученного эмпирического материала строились на трехфакторной модели отношений межличностной значимости А.В. Петровского в интерпретации для закрытых групп М.Ю. Кондратьева, с одной стороны, и концепции «закрытого общества» в изложении К. Поппера — с другой. Исследование выявило наличие основных маркеров закрытого общества

в сравниваемых группах респондентов при отсутствии выраженной динамики соответствующих показателей в 12-летнем интервале. Это приводит автора к выводу о том, что социально-экономические трансформации, произошедшие за этот период, по сути, не повлияли на модели властных отношений горожан Нижегородского региона, характерные для закрытого общества. И в 2002, и в 2014 году социально-политический уровень территориальной идентичности характеризовался типичными для закрытого общества маркерами: жестким разделением в сознании граждан на «низы» и «верха», поляризацией социальных отношений между группами, разрывом между приватным и публичным социальными пространствами, негативной оценкой власти всех уровней.

Уверена, что рецензируемая книга Н.К. Радиной может быть полезной и по настоящему интересной не только для профессионалов (социальных психологов, педагогов, политиков, политтехнологов, специалистов в области социальной географии, масс-медиа и др.), но и для всех тех, кого интересуют процессы, происходящие в нашем обществе, причем не только в столицах, но и в самых разных больших и малых городах нашей необъятной родины.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Радина Н.К.* Город в пространстве и времени: проблемы территориальной идентичности в контексте социально-экономических изменений. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2015. 344 с.
2. *Радина Н.К.* Социально-психологический феномен «закрытости» М.Ю. Кондратьева: от «закрытой группы» — к «закрытому обществу» // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7. № 1. С. 45–58. doi:10.17759/sps.2016070104

Chronotope of the modern Russian city

Review of the monography of N.K. Radina “The city over space and time: the problem of the territorial identity in the context of socio-economic change”.

Nizhny Novgorod: DEKOM, 2015. 344 p.

N.N. TOLSTYKH*,
Russia, Moscow, nnvt@list.ru

The monograph based on the material, carried out in line with the so-called urban studies, very common in the West, but are relatively few in Russia.

This research like most urban research is interdisciplinary, where the city serves as a study object, seen in different subject projections, including the proper social and psychological.

REFERENCES

1. Radina N.K. Gorod v prostranstve i vremeni: problemy territorial'noi identichnosti v kontekste social'no-ekonomicheskikh izmenenii [The city over space and time: the problem of the territorial identity in the context of socio-economic change]. Nizhnii Novgorod: DEKOM, 2015. 344 p.
2. Radina N.K. M.Yu. Kondratyev's Social Psychological Phenomenon of “Closedness”: From a “Closed Group” to a “Closed Society”. *Sotsial'naiia psikhologiia i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2016. Vol. 7, no. 1, pp. 45–58. doi:10.17759/sps.2016070104. (In Russ., abstr. in Engl.)

For citation:

Tolstykh N.N. Chronotope of the modern Russian city. Review of the monography of N.K. Radina “The city over space and time: the problem of the territorial identity in the context of socio-economic change”. Nizhny Novgorod: DEKOM, 2015. 344 p. *Sotsial'naiia psikhologiia i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2016. Vol. 7, no. 4, pp. 147–152. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2016070410

* *Tolstykh Natalia N.* — Doctor in Psychology, Head of the Chair of Social Psychology of Development, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, nnvt@list.ru